

Вступление

Как каждый крупный политик, Юзеф Пилсудский имел фанатичных поклонников и непримиримых врагов. Первые не знали меры в восхвалении его действий, другие не прочь были обвинить его в самых тяжких грехах.

Примеры этих различных подходов читатель найдет во всей книге, в особенности там, где сопоставляются противоречивые, изменяющиеся во времени мнения о Пилсудском. Однако они не дают даже контуров легенды Маршала¹. Полное раскрытие этого явления требовало бы значительного расширения книги: характеристики всего общества, его потребностей, настроений, состояния общественного сознания.

Приводимые в прессе мнения и оценки его современников в большей степени были связаны с созданием стереотипов — позитивного и негативного, чем с легендой в полном смысле этого слова. Ведь легенда никогда не формируется исключительно под воздействием текущей пропаганды. В не меньшей степени ее обуславливает «живая история» — обычное историческое сознание различных общественных кругов. Важную роль в ее формировании играет школа. В создании легенды Пилсудского этот фактор еще более важен, поскольку в 30-х годах была введена государственная модель воспитания, построенная на восхвалении достижений Маршала. Не следует также забывать о роли литературы, искусства и прессы. Каждая из этих областей может быть темой отдельного научного исследования.

Главная трудность при написании книги о Юзефе Пилсудском заключалась в соблюдении пропорций между

Вступление

Как каждый крупный политик, Юзеф Пилсудский имел фанатичных поклонников и непримиримых врагов. Первые не знали меры в восхвалении его действий, другие не прочь были обвинить его в самых тяжких грехах.

Примеры этих различных подходов читатель найдет во всей книге, в особенности там, где сопоставляются противоречивые, изменяющиеся во времени мнения о Пилсудском. Однако они не дают даже контуров легенды Маршала¹. Полное раскрытие этого явления требовало бы значительного расширения книги: характеристики всего общества, его потребностей, настроений, состояния общественного сознания.

Приводимые в прессе мнения и оценки его современников в большей степени были связаны с созданием стереотипов — позитивного и негативного, чем с легендой в полном смысле этого слова. Ведь легенда никогда не формируется исключительно под воздействием текущей пропаганды. В не меньшей степени ее обуславливает «живая история» — обычное историческое сознание различных общественных кругов. Важную роль в ее формировании играет школа. В создании легенды Пилсудского этот фактор еще более важен, поскольку в 30-х годах была введена государственная модель воспитания, построенная на восхвалении достижений Маршала. Не следует также забывать о роли литературы, искусства и прессы. Каждая из этих областей может быть темой отдельного научного исследования.

Главная трудность при написании книги о Юзефе Пилсудском заключалась в соблюдении пропорций между

сложными мыслями, отражающими личные качества, и общественными делами, вопросами большой политики, в формировании и решении которых он принимал участие. Оправданным казался отказ от чрезмерного акцента на так называемый исторический фон. Ведь сегодня это уже достаточно известные вопросы, описанные во многих трудах, не составляющие тайны для даже не очень интересующегося историей читателя. Поэтому при освещении деятельности Пилсудского акцент сделан на тех делах, на которые он наложил свой особенный отпечаток, на тех проблемах, которые без его участия другими политическими и государственными деятелями, наверное, были бы решены иначе.

Этот выбор в несколько ином измерении проявился в описании последних лет жизни Маршала, бывшего в то время самым высоким авторитетом в Польше.

В соответствии с этим допустимо было бы ожидать от заключительных разделов книги представления главных политических, экономических, общественных проблем того периода. Более обоснованной показалась авторам, однако, попытка воспроизвести механизмы правления, каналы и методы общения Пилсудского с окружением, установить принципиальные сферы его интересов, поведения и способ реакции в тот период деятельности, когда болезнь все сильнее поражала его изменяющуюся личность.

Биография была задумана как популярная книга. Поэтому авторы отказались от справочного аппарата, в том числе от ссылок на источники, из которых взяты цитаты. Информация о наиболее часто использованных публикациях содержится в библиографическом перечне, помещенном в конце книги. Он составлен в алфавитном порядке, однако стоит выделить труды профессора Анджея Гарлицкого, автора новейшей многотомной биографии Пилсудского, а также работы Вацлава Енджеевича² — в одном лице солдата, министра и биографа Маршала. Их советы и размышления дали больше всего материалов и вдохновения.

сложными мыслями, отражающими личные качества, и общественными делами, вопросами большой политики, в формировании и решении которых он принимал участие. Оправданным казался отказ от чрезмерного акцента на так называемый исторический фон. Ведь сегодня это уже достаточно известные вопросы, описанные во многих трудах, не составляющие тайны для даже не очень интересующегося историей читателя. Поэтому при освещении деятельности Пилсудского акцент сделан на тех делах, на которые он наложил свой особенный отпечаток, на тех проблемах, которые без его участия другими политическими и государственными деятелями, наверное, были бы решены иначе.

Этот выбор в несколько ином измерении проявился в описании последних лет жизни Маршала, бывшего в то время самым высоким авторитетом в Польше.

В соответствии с этим допустимо было бы ожидать от заключительных разделов книги представления главных политических, экономических, общественных проблем того периода. Более обоснованной показалась авторам, однако, попытка воспроизвести механизмы правления, каналы и методы общения Пилсудского с окружением, установить принципиальные сферы его интересов, поведения и способ реакции в тот период деятельности, когда болезнь все сильнее поражала его изменяющуюся личность.

Биография была задумана как популярная книга. Поэтому авторы отказались от справочного аппарата, в том числе от ссылок на источники, из которых взяты цитаты. Информация о наиболее часто использованных публикациях содержится в библиографическом перечне, помещенном в конце книги. Он составлен в алфавитном порядке, однако стоит выделить труды профессора Анджея Гарлицкого, автора новейшей многотомной биографии Пилсудского, а также работы Вацлава Енджеевича² — в одном лице солдата, министра и биографа Маршала. Их советы и размышления дали больше всего материалов и вдохновения.

Тот Гинет, между прочим,— добавляла мастер антипилсудчиковского памфлета,— был выдающимся, как мы сейчас сказали бы, «германофилом», или по тем временам «тевтонофилом». Он принадлежал к партии бояр, которые уже после унии 1386 года, попирая закон, выступали против Польши и против Ягеллы (трактат 1396 г.)⁴. В 1398 году вместе с 82 политическими единомышленниками он вынужден был переселиться в Пруссию, где тевтонцы приняли их с вниманием и осыпали дарами».

Упоминание этой любопытной исторической подробности преследовало ясную цель. Речь шла о компроматации «тевтофильского» потомка XX века, о том, чтобы напомнить о его военном сотрудничестве с немцами. Каждый мог убедиться, что гинетовский череп давно уже пропитался симпатией к германским соседям. А в Польше, в течение веков сражавшейся с немецким нашествием, описанном в «Крестоносцах» Сенкевича⁵, такие констатации не прибавляли популярности.

Пока же молодой панич, которого еще с виленских времен ближние называли Юзюком или Зюком, прятался в зулувском дворе, окруженный достатком и любовью родителей. Особенно любил мать, женщину незаурядную, как писал один из биографов, «с горячим сердцем возвышенных национальных и семейных идеалов, существо необыкновенное по своей доброте, правоте и стойкости».

Семья принадлежала к зажиточным главным образом благодаря приданому матери, которое существенно укрепило уже подорванное состояние Пилсудских. Однако вскоре от усадьбы, насчитывавшей более десятка тысяч гектаров, осталось совсем немного.

Как каждый факт, связанный с Пилсудским, так и это событие по-разному интерпретировалось биографами. Отдавая себе отчет в том, что во времена разделов Польши хорошее хозяйствование и защита польского состояния возводились в ранг патриотизма, они старались подчеркнуть благородные причины финансового краха семьи. Писали о губительных последствиях контрибуции, наложенной за участие отца в январском восстании. Подчеркивали новаторские методы хозяйствования, которые забытые массы не были в состоянии ни понять, ни оценить. Одним словом, изображали картину образцового владельца, задавленного репрессиями периода разделов и не находившего понимания у консервативного окружения.

Правда была более прозаична, несмотря на то что репрессии не обошли отца-повстанца. Упадок хозяйства

Тот Гинет, между прочим,— добавляла мастер антипилсудчиковского памфлета,— был выдающимся, как мы сейчас сказали бы, «германофилом», или по тем временам «тевтонофилом». Он принадлежал к партии бояр, которые уже после унии 1386 года, попирая закон, выступали против Польши и против Ягеллы (трактат 1396 г.)⁴. В 1398 году вместе с 82 политическими единомышленниками он вынужден был переселиться в Пруссию, где тевтонцы приняли их с вниманием и осыпали дарами».

Упоминание этой любопытной исторической подробности преследовало ясную цель. Речь шла о компроматации «тевтофильского» потомка XX века, о том, чтобы напомнить о его военном сотрудничестве с немцами. Каждый мог убедиться, что гинетовский череп давно уже пропитался симпатией к германским соседям. А в Польше, в течение веков сражавшейся с немецким нашествием, описанном в «Крестоносцах» Сенкевича⁵, такие констатации не прибавляли популярности.

Пока же молодой панич, которого еще с виленских времен ближние называли Юзюком или Зюком, прятался в зулувском дворе, окруженный достатком и любовью родителей. Особенно любил мать, женщину незаурядную, как писал один из биографов, «с горячим сердцем возвышенных национальных и семейных идеалов, существо необыкновенное по своей доброте, правоте и стойкости».

Семья принадлежала к зажиточным главным образом благодаря приданому матери, которое существенно укрепило уже подорванное состояние Пилсудских. Однако вскоре от усадьбы, насчитывавшей более десятка тысяч гектаров, осталось совсем немного.

Как каждый факт, связанный с Пилсудским, так и это событие по-разному интерпретировалось биографами. Отдавая себе отчет в том, что во времена разделов Польши хорошее хозяйствование и защита польского состояния возводились в ранг патриотизма, они старались подчеркнуть благородные причины финансового краха семьи. Писали о губительных последствиях контрибуции, наложенной за участие отца в январском восстании. Подчеркивали новаторские методы хозяйствования, которые забытые массы не были в состоянии ни понять, ни оценить. Одним словом, изображали картину образцового владельца, задавленного репрессиями периода разделов и не находившего понимания у консервативного окружения.

Правда была более прозаична, несмотря на то что репрессии не обошли отца-повстанца. Упадок хозяйства

был вызван в первую очередь хваленым новаторством в его ведении. Владелец Зулува был полон задумок, инициатив, планов. Значительно хуже ему удавалось претворять их в жизнь.

«Покупал сельскохозяйственные машины,— писал в «Воспоминаниях» Людвик Кшивицкий,— о которых где-то услышал и которые были за границей, но в Виленских краях в связи с чрезмерной дешевизной рабочей силы они не окупались. Рабочий же был неотесан, он великолепно ходил за сохой и деревянной бороной, но не умел обращаться с бороной металлической в ее различных вариантах. Те машины устаревали без дела, потихоньку превращаясь в ржавый лом. Основал спиртовой завод. Зулувская почва подходила для выращивания картофеля, но владелец не подходил для производителя спирта. Как раз во время начинающейся кампании производства спирта, а начало, в частности, зависело от прибытия акцизника, Пилсудский выехал с усадьбы. Начал течь спирт, но оказалось, что посуда для разлива продукции не приготовлена в достаточном количестве. Взяли из домашнего хозяйства все котлы, кастрюли, жбаны, колбы. Естественно, этого было очень мало, и спирт выливался на землю».

Эти слова писал не враг семьи, хотя такое впечатление и может сложиться. Свидетельствовала об этом хотя бы запись Фелициана Славоя-Складковского⁶ в его известных «Отрывках донесений», содержащая суждение Пилсудского об отце: «Мой покойный отец был замечательным ученым-агрономом, но такая огромная усадьба, как Зулув, в конце его жизни выглядела подобно Сморгоне⁷ после ее разрушения; во дворе был лес каменных столбов, неизвестно для какой цели. Один бог знает, чего он там не наделал, потому что не был администратором».

Этот, как сказали бы мы сегодня, экономический волюнтаризм способствовал тому, что, когда в 1874 году Зулув был уничтожен пожаром, на его восстановление не хватило средств. Семья переехала в Вильно. Ее финансы таяли все более заметно, доказательством чему становились очередные переселения во все меньшие и все худшие квартиры. Отец постоянно был полон больших надежд и новых замыслов, но его деятельность неизменно приносила разочарование. Главным источником существования стали банковские займы, которые полностью расходовались на содержание дома и неуклонно приближали момент окончательной продажи имущества с аукциона.

Зулувская атмосфера достатка и беспечности беспо-

был вызван в первую очередь хваленым новаторством в его ведении. Владелец Зулува был полон задумок, инициатив, планов. Значительно хуже ему удавалось претворять их в жизнь.

«Покупал сельскохозяйственные машины,— писал в «Воспоминаниях» Людвик Кшивицкий,— о которых где-то услышал и которые были за границей, но в Виленских краях в связи с чрезмерной дешевизной рабочей силы они не окупались. Рабочий же был неотесан, он великолепно ходил за сохой и деревянной бороной, но не умел обращаться с бороной металлической в ее различных вариантах. Те машины устаревали без дела, потихоньку превращаясь в ржавый лом. Основал спиртовой завод. Зулувская почва подходила для выращивания картофеля, но владелец не подходил для производителя спирта. Как раз во время начинающейся кампании производства спирта, а начало, в частности, зависело от прибытия акцизника, Пилсудский выехал с усадьбы. Начал течь спирт, но оказалось, что посуда для разлива продукции не приготовлена в достаточном количестве. Взяли из домашнего хозяйства все котлы, кастрюли, жбаны, колбы. Естественно, этого было очень мало, и спирт выливался на землю».

Эти слова писал не враг семьи, хотя такое впечатление и может сложиться. Свидетельствовала об этом хотя бы запись Фелициана Славоя-Складковского⁶ в его известных «Отрывках донесений», содержащая суждение Пилсудского об отце: «Мой покойный отец был замечательным ученым-агрономом, но такая огромная усадьба, как Зулув, в конце его жизни выглядела подобно Сморгоне⁷ после ее разрушения; во дворе был лес каменных столбов, неизвестно для какой цели. Один бог знает, чего он там не наделал, потому что не был администратором».

Этот, как сказали бы мы сегодня, экономический волюнтаризм способствовал тому, что, когда в 1874 году Зулув был уничтожен пожаром, на его восстановление не хватило средств. Семья переехала в Вильно. Ее финансы таяли все более заметно, доказательством чему становились очередные переселения во все меньшие и все худшие квартиры. Отец постоянно был полон больших надежд и новых замыслов, но его деятельность неизменно приносила разочарование. Главным источником существования стали банковские займы, которые полностью расходовались на содержание дома и неуклонно приближали момент окончательной продажи имущества с аукциона.

Зулувская атмосфера достатка и беспечности беспо-

воротню ушла в прошлое. Беспокойство перенеслось также на детей. Старший на год, чем Зюк, Бронислав⁸ записал в дневнике в декабре 1884 года: «Завтра истекает срок выплаты по процентам в банке, а папа не имеет и половины требуемой суммы... Не знаю, что с нами будет? Чем дальше, тем хуже. Уже сейчас мало кто верит папе, а что будет дальше. Ужасно боюсь этого завтрашнего дня. Если дело пойдет так, то через пару лет мы останемся почти ни с чем...»

И хотя дети не страдали от голода, все чаще на собственной шкуре они чувствовали недостаток, испытываемый семьей. «Зюк не ходит в школу,— замечал в марте 1883 года Бронислав,— потому что не имеет штанов, а новых Морохель еще не принес».

Однако сам Зюк не очень-то близко к сердцу принимал все эти заботы. Судя по описанным Брониславом эпизодам, его поведение не свидетельствовало о чрезмерно развитом альтруизме.

«Мы пили чай у бабушки,— жаловался 14 февраля 1883 года Бронислав,— Зюк, Адашь⁹ и Зиньо [Казимеж, младший из братьев], и обжора так бросился на перники*, которые были поданы к чаю, что мне стало стыдно, а он даже не подумал, что это некрасиво. И дома Зюк не учитывает, хватит или нет ветчины другому, лишь бы ему было достаточно, а Зиньо и Адашь не хотят отстаивать и поступают так же».

Несмотря на эту склонность к эгоизму, по мнению Бронислава, счастье всегда сопутствовало Зюку. «После обеда я ходил с Зюком на прогулки по некоторым улицам. Он не учит, но для него все будет хорошо, как и на всех предыдущих экзаменах. Его везение не сравнимо ни с чем, и так все время. Читает час, а ходит два, но завтра точно получит пятерку».

Зюка всегда сопровождали везение и успехи. «Этому Зюку безумно везет,— отмечал также брат,— все у него получается хорошо, а это потому, что ставит себя на первом плане и что много болтает (а делает мало), а дураки верят ему и восхищаются им...»

И хотя индивидуальность человека со временем меняется, не подлежит сомнению, что многие из тех черт до конца сохранились в характере Пилсудского, нанося отпечаток как на его личную жизнь, так и на общественную деятельность.

* Перники — вид пряников.— *Прим. перев.*

воротню ушла в прошлое. Беспокойство перенеслось также на детей. Старший на год, чем Зюк, Бронислав⁸ записал в дневнике в декабре 1884 года: «Завтра истекает срок выплаты по процентам в банке, а папа не имеет и половины требуемой суммы... Не знаю, что с нами будет? Чем дальше, тем хуже. Уже сейчас мало кто верит папе, а что будет дальше. Ужасно боюсь этого завтрашнего дня. Если дело пойдет так, то через пару лет мы останемся почти ни с чем...»

И хотя дети не страдали от голода, все чаще на собственной шкуре они чувствовали недостаток, испытываемый семьей. «Зюк не ходит в школу,— замечал в марте 1883 года Бронислав,— потому что не имеет штанов, а новых Морохель еще не принес».

Однако сам Зюк не очень-то близко к сердцу принимал все эти заботы. Судя по описанным Брониславом эпизодам, его поведение не свидетельствовало о чрезмерно развитом альтруизме.

«Мы пили чай у бабушки,— жаловался 14 февраля 1883 года Бронислав,— Зюк, Адашь⁹ и Зиньо [Казимеж, младший из братьев], и обжора так бросился на перники*, которые были поданы к чаю, что мне стало стыдно, а он даже не подумал, что это некрасиво. И дома Зюк не учитывает, хватит или нет ветчины другому, лишь бы ему было достаточно, а Зиньо и Адашь не хотят отстаивать и поступают так же».

Несмотря на эту склонность к эгоизму, по мнению Бронислава, счастье всегда сопутствовало Зюку. «После обеда я ходил с Зюком на прогулки по некоторым улицам. Он не учит, но для него все будет хорошо, как и на всех предыдущих экзаменах. Его везение не сравнимо ни с чем, и так все время. Читает час, а ходит два, но завтра точно получит пятерку».

Зюка всегда сопровождали везение и успехи. «Этому Зюку безумно везет,— отмечал также брат,— все у него получается хорошо, а это потому, что ставит себя на первом плане и что много болтает (а делает мало), а дураки верят ему и восхищаются им...»

И хотя индивидуальность человека со временем меняется, не подлежит сомнению, что многие из тех черт до конца сохранились в характере Пилсудского, нанося отпечаток как на его личную жизнь, так и на общественную деятельность.

* Перники — вид пряников.— *Прим. перев.*

СОДЕРЖАНИЕ

Дарья и Томаш Наленч	
Юзеф Пилсудский — легенды и факты	3
Вступление	5
1. Зюк	7
2. Товарищ Виктор	20
3. Комендант стрелков	44
4. Бригадир легионов	61
5. Начальник государства	83
6. Отшельник	120
7. Совершивший переворот	137
8. Диктатор	152
9. В глазах сторонников и врагов	199
Заговорщик	200
Вождь	204
Мученик	218
Начальник государства	219
Отшельник	232
Отец народа	240
Корни	252
Библиография	255

СОДЕРЖАНИЕ

Дарья и Томаш Наленч	
Юзеф Пилсудский — легенды и факты	3
Вступление	5
1. Зюк	7
2. Товарищ Виктор	20
3. Комендант стрелков	44
4. Бригадир легионов	61
5. Начальник государства	83
6. Отшельник	120
7. Совершивший переворот	137
8. Диктатор	152
9. В глазах сторонников и врагов	199
Заговорщик	200
Вождь	204
Мученик	218
Начальник государства	219
Отшельник	232
Отец народа	240
Корни	252
Библиография	255

Приложения 256

Збигнев Залуский

Пути к достоверности —

От редакции —

Настойчивость —

Советская Россия: импровизация 259

Неожиданный шанс —

Разочарование 261

1920-й: последствия 264

Негативный итог —

Диктат действительности: Польша 267

Диктат действительности: СССР 271

Груз прошлого: Польша 273

Груз прошлого: СССР 277

Зародыши новых драм 278

Мечислав Лепецкий

Дневник адъютанта Маршала Пилсудского 281

От редакции —

1934 год 282

Воспоминания о 1920 годе —

На именины в Вильно 284

Покушение на министра Бронислава Перацкого и создание лагеря в Березе 288

История одного предисловия 295

Из Персии в Мощаницы 297

В Мощаницы 299

Последний парад Маршала Пилсудского 302

В Вильно 306

Приложения 256

Збигнев Залуский

Пути к достоверности —

От редакции —

Настойчивость —

Советская Россия: импровизация 259

Неожиданный шанс —

Разочарование 261

1920-й: последствия 264

Негативный итог —

Диктат действительности: Польша 267

Диктат действительности: СССР 271

Груз прошлого: Польша 273

Груз прошлого: СССР 277

Зародыши новых драм 278

Мечислав Лепецкий

Дневник адъютанта Маршала Пилсудского 281

От редакции —

1934 год 282

Воспоминания о 1920 годе —

На именины в Вильно 284

Покушение на министра Бронислава Перацкого и создание лагеря в Березе 288

История одного предисловия 295

Из Персии в Мощаницы 297

В Мощаницы 299

Последний парад Маршала Пилсудского 302

В Вильно 306

1935 год 310

Новый год —

Визит Геринга —

Тетя Зуля умерла 311

Через год... полвека 314

Болезнь 317

День рождения панны Ягоды 321

Антони Иден 324

Отъезд в Сулеювек 325

Страстная неделя 1935 года 329

Вторник —

Великая среда 332

Великий четверг 335

Великая пятница 338

Великая суббота 341

Пасха 343

Возвращение в Генеральный инспекторат 346

Доктор Ф. К. Венкенбах 348

Последние дни в инспекторате 350

Сегодня Маршал Пилсудский покинул инспекторат (4 мая 1935 г.) 352

«Я должен, должен...» 355

За прахом матери 359

«Человеческое лицо истории». *М. Н. Бобрик* 361

Комментарии 373

1935 год 310

Новый год —

Визит Геринга —

Тетя Зуля умерла 311

Через год... полвека 314

Болезнь 317

День рождения панны Ягоды 321

Антони Иден 324

Отъезд в Сулеювек 325

Страстная неделя 1935 года 329

Вторник —

Великая среда 332

Великий четверг 335

Великая пятница 338

Великая суббота 341

Пасха 343

Возвращение в Генеральный инспекторат 346

Доктор Ф. К. Венкенбах 348

Последние дни в инспекторате 350

Сегодня Маршал Пилсудский покинул инспекторат (4 мая 1935 г.) 352

«Я должен, должен...» 355

За прахом матери 359

«Человеческое лицо истории». *М. Н. Бобрик* 361

Комментарии 373